

УДК 128(470)
ББК 87.3(2)6
М52

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Мерридейл, Кэтрин

М52 Каменная ночь. Смерть и память в России XX века / КЭТРИН МЕРРИДЕЙЛ; пер. с англ. К. ПОЛУЭКТОВОЙ-КРИМЕР. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-17-102889-3

Исследование британского историка Кэтрин Мерридейл посвящено сразу двум непростым темам — смерти и памяти, которые в случае России XX века не только тесно связаны друг с другом, но и способны многое объяснить в советской истории. Специально для этой книги автор, работающая в русле устной истории, встретила и лично взяла интервью у сотен выживших свидетелей массового голода, войны и репрессий в СССР. Их голоса, воспоминания и зачастую болезненные даже спустя много лет переживания и составили основу этого исследования, в котором Мерридейл попыталась ответить на несколько вопросов. Как стали возможны все те трагедии и огромное количество смертей, случившихся в годы советской власти? Что чувствовали люди, испытывавшие на себе тяготы советской политики? И как народ, переживший с приходом советской власти слом традиционной культуры, воспринимает все, произошедшее с ним, сейчас?

УДК 128(470)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-17-102889-3

- © Catherine Merridale, 2000
- © К. Полуэтова-Кример, перевод на русский язык, 2019
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
- Издательство CORPUS ®

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА

★ 7 ★

ПРЕДИСЛОВИЕ

★ 13 ★

ГЛАВА 1 ★ ТОТ СВЕТ ★ 37

ГЛАВА 2 ★ КУЛЬТУРА СМЕРТИ ★ 68

ГЛАВА 3 ★ ДВОРЕЦ СВОБОДЫ ★ 100

ГЛАВА 4 ★ ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ ОГОНЬ ★ 133

ГЛАВА 5. ★ “КРАСНЫЕ ПОХОРОНЫ” ★ 162

ГЛАВА 6 ★ ВЕЛИКОЕ МОЛЧАНИЕ ★ 195

ГЛАВА 7 ★ КАМЕННЫЕ НОЧИ ★ 229

ГЛАВА 8 ★ РОССИЯ В ВОЙНЕ ★ 262

ГЛАВА 9 ★ ПАНТЕОН ★ 298

ГЛАВА 10 ★ СМЕРТЬ В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА ★ 331

ГЛАВА 11 ★ ПРОШЛОЕ ВЫХОДИТ НА ПОВЕРХНОСТЬ ★ 363

ГЛАВА 12 ★ ВСЛУШИВАЯСЬ В ГОЛОСА МЕРТВЕЦОВ ★ 394

ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

★ 423 ★

БИБЛИОГРАФИЯ

★ 479 ★

УКАЗАТЕЛЬ

★ 499 ★

ОТ ★ АВТОРА

Я не смогла бы написать эту книгу без поддержки многих людей в России и Украине: уцелевших в гуманитарной катастрофе советского периода, солдат, милиционеров, врачей, социальных работников, священников, монахинь, заведующих похоронными бюро, гражданских активистов, — которые отвечали на мои вопросы, помогали избавиться от ошибок и заблуждений и искренне интересовались тем, как продвигается моя работа. Невозможно словами выразить мое восхищение их мужеством и теплотой.

Я в неоплатном долгу перед своей подругой, этнографом Еленой Строгановой, которая была моим научным ассистентом. Мое исследование было бы невозможно без ее скрупулезной профессиональной работы. Она сопровождала меня практически во всех путешествиях, хлестко комментировала экономическую ситуацию в провинции, заводила друзей на каждом шагу и терпеливо разбиралась с бюрократическими проблемами. Благодаря ей работать над проектом было значительно проще, и все предприятие стало выглядеть куда менее мрачно и безрадостно.

Множество других друзей и коллег на пространстве бывшего Советского Союза помогли мне советом и идеями. Особенно я хочу поблагодарить Сергея Панарина за его изобретательность и поддержку проекта с самого его зарождения, а также Оксану Бочарову, Валерия Михайловского, Андрея Попова, Владимира Школьникова, Алексея Смирнова, Ольгу Васильченко и Ольгу Зубец. Я также в большом долгу перед сотрудниками Всероссийского центра изучения общественного мнения и особенно перед Алексеем Левинсоном за помощь в проведении некоторых интервью. Среди тех, кто помог мне встретиться с ветеранами войны и другими уцелевшими, я не могу не отметить Илью Альтмана и всех, кто работает с ним в московском Центре и Фонде “Холокост”, Вадима Ионовича Фельдмана в Киеве, представителей Российского Союза ветеранов и сотрудников реабилитационного центра “Солнечный” в Зеленограде. Я признательна сотрудникам общества “Мемориал” за их невероятное великодушие и душевную щедрость, и особенно хотела бы поблагодарить Валерию Оттовну Дунаеву из москов-

ского отделения “Мемориала” и Вениамина Викторовича Иофе и Ирину Резникову из петербургского филиала.

Мой исследовательский проект состоялся при официальной финансовой поддержке со стороны Российской академии наук, и я хотела бы выразить признательность сотрудникам РАН за их помощь, в частности Владимиру Давыдову и Людмиле Колодниковой. Я также благодарна сотрудникам многих архивов и библиотек, в которых мне посчастливилось побывать. Нередко их сотрудникам приходится работать в условиях, далеких от идеальных, справляясь с серьезной нагрузкой. Учитывая эти непростые обстоятельства, я была тем более поражена широтой знаний, точными рекомендациями относительно источников и технической поддержкой, которую оказали мне эти люди. Эта книга многим обязана компетентности архивистов и библиотекарей, помогавших мне в работе.

Я бы не смогла довести этот проект до конца без щедрой финансовой поддержки и возможности взять продолжительный отпуск для проведения исследования. Фонд Джона и Кэтрин Макартуров *Common Security Forum* оплатил два года академического творческого отпуска в Бристольском университете, тем самым избавив меня от всяких проблем и предоставив такие условия для работы, о которых можно было только мечтать. Стипендиатом исследовательской программы я была с 1996 по 1998 год. Я также бесконечно благодарна лично Эмме Ротшильд, координатору фонда, которая с самого начала, когда я еще только обсуждала с ней свой замысел, горячо поддержала мой проект. Во время пребывания в Кембридже мне также посчастливилось получить исследовательский грант от Колледжа Робинсон. Я благодарна колледжу, который стал мне домом между моими поездками в Россию, его ректору и моим коллегам, другим стипендиатам, общение с которыми обогатило меня новыми идеями.

Оставшиеся — и немалые! — расходы, связанные с проведением исследования, были покрыты благодаря щедрому гранту Британского совета по экономическим и социальным исследованиям и Британской академии с ее программой научного обмена с РАН. Я признательна каждой из этих организаций за их поддержку. Спасибо моим друзьям и коллегам в Англии, с которыми сам процесс написания этой книги оказался куда менее трудным: я не могу представить ее без них. Больше всех как автор этого текста я обязана тем, кто читал каждый вариант, тем, чья творческая изобретательность и оригинальность мысли оставили свой отпечаток в каждой законченной мною главе. Мой литературный агент Питер Робинсон с самого начала понял мой замысел и на протяжении двух трудных лет терпеливо увещевал меня реализовать задуманное.

Кроме того, Питер нашел двух замечательных издателей, которые взялись подготовить мой проект к публикации. Нил Белтон, мой редактор в издательстве *Granta*, выудил самые лучшие фрагменты из еще совсем сырых черновых версий рукописи и проработал окончательный вариант текста с поразительным мастерством и сдержанностью, не навязывая свою точку зрения и уважая авторскую волю. Его профессионализм и компетентность многому научили меня как историка на каждом этапе работы. В Соединенных Штатах Венди Вульф, мой редак-

тор в издательстве *Viking*, горячо поддержала идею издания рукописи, которую она к тому времени даже не видела, сопровождала финальный ее вариант блестящими комментариями и, как опытный кормчий, с присущими ей юмором и решительностью вела мой текст через все этапы редактирования.

Помимо редакторов и моего литературного агента, рукопись прочли, сопроводив комментариями, еще три человека: Ира Кацнельзон, Стив Смит и Дерек Саммерфилд. Каждый из них — настоящий знаток в своей области, каждый многому меня научил. Но больше всего я благодарна им за наши беседы, за то, что помогли мне увидеть написанное мной, за интеллектуальное товарищество и виртуозную критику. Тим Коул, Йен Коллинз, Джилл Гловер, Дэвид Гуд, Клэр Макорт, Никола Миллер, Кэтрин Рот и Линда Сандерс в важнейшие моменты работы прочитали и высказали свое мнение по поводу отдельных частей этой книги. Я также признательна Джоанне Брук, Джудит Шапиро, Джонатану Стайнбергу и Деборе Том за то, что еще в 1993 году они помогли мне начать думать о работе горя, о переживании утраты и с тех самых пор не уставали подталкивать меня к тому, чтобы писать и говорить на эту тему. Я благодарна Фонду Гарри Франк Гуггенхайм за приглашение выступить самой и послушать других в серии практических семинаров, которые проходили с 1995 по 1997 год и были посвящены темам смерти, травмы и насилия. Я хотела бы также выразить признательность своим коллегам и студентам в Бристольском университете, которые в течение нескольких лет терпели мое отсутствие — физическое и духовное, а затем радушно встретили меня после возвращения из длительных поездок.

Подобная книга обычно не обходится без посвящения, а в последнее время практически общим местом стали посвящения, адресованные жертвам Сталина. Мне подобная самонадеянность кажется нелепой и неуместной. Но у меня нет выбора. Коль скоро я начала эту книгу с попыток осмыслить смерть, понять, что означали и означают для общественного сознания и культуры в России смерти миллионов жертв советского режима, я заканчиваю ее, будучи в долгу перед этими мертвыми.

И только пыльные цветы,
И звон кадилный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

АННА АХМАТОВА. *Реквием*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Город Медвежьегорск существует благодаря железной дороге. Если от Санкт-Петербурга отправиться на север, то примерно через 12 часов приедешь в Медвежьегорск. Железная дорога практически все время идет на северо-восток, лишь изредка отклоняясь, чтобы обогнуть озера и болота. С первым дыханием осени, которое чувствуется здесь уже в середине сентября, эта болотистая местность становится временным пристанищем для тысяч гусей и диких лебедей, ненадолго останавливающихся здесь по пути на юг, на зимовку, и оглашающих округу своим гомоном. Но леса хранят почти гробовое молчание. Единственный крупный город на пути сюда — Петрозаводск, столица Карелии — расположен на западном берегу Онежского озера. Если вы проезжаете эти места днем, то вам удастся мельком увидеть его, огромное, как внутреннее море, сияющее холодным металлом сквозь сосны и лиственницы. Сам Медвежьегорск лежит на его северной оконечности, и летом бабушки с маленькими внучатами заполняют берег, нежась в хлопчатобумажных панамах под драгоценными лучами северного солнца. Одни утверждают, что здешняя вода обладает целебными свойствами. Другие указывают на ржавеющие остовы кораблей, тут и там торчащие из озера на мелководье, и сбивчиво говорят о химикатах и о поруганной дикой природе России. Красивым Медвежьегорск никак не назовешь.

Редкий турист заезжает в этот город. Большинство продолжает свой путь на север. Дальше вверх по той же ветке железной дороги, после еще одного озера, раскинулось Белое море; оно привлекает туристов, интересующихся монастырями древности или тюрьмами нового, советского времени. Если вы продолжите свое путешествие на поезде — а раз вы сели в него на вокзале в южной части Санкт-Петербурга, значит, к этому времени уже успели провести в пути целых два дня, — то приедете в порто-

вый город Мурманск. Когда-то преуспевающий центр военно-морского флота, Мурманск, как и другие арктические города, в 1990-е годы оказался в совершенно бедственном положении в результате развала прежней экономической системы. В пути вы вряд ли встретите много иностранных туристов. Однако вам выпадет удовольствие провести время в компании местных жителей, большинство из которых регулярно ездит этим маршрутом.

Русские, безусловно, вправе считаться одними из самых опытных в мире железнодорожных путешественников на большие расстояния. Их приготовления к поездке не могут не вызывать восхищения. Если вы присоединитесь к попутчикам, вас в любое время дня и ночи угостят сваренным вкрутую яйцом, солеными огурцами, колбасой, теплой водкой и сладким черным чаем. Вскоре выяснится, что окна в большей части старых советских железнодорожных вагонов не открываются. Но разговор всегда будет оживленным. На этом маршруте, скорее всего, будут обсуждать цены, зарплаты, произвол московских властей и надвигающуюся нехватку горючего для отопления. Практически обязательно хотя бы один из ваших попутчиков нет-нет да упомянет Брежнева или Сталина, и начнется дискуссия о преимуществах коммунистической системы.

Мы предприняли наше путешествие в конце октября 1997 года. В том году зима наступила рано, даже в Петербурге уже выпал первый снег. За городом, особенно по мере того как мы продвигались все дальше на север, снег полностью поглотил пейзаж, укрыл лес пушистым ковром, и даже зеленые кроны сосен стали ослепительно белыми. Мы покинули город в полночь и теперь с поздним восходом солнца очутились в совершенно другом мире. За окнами лежало утихшее Онежское озеро. “Как в сказке, да?” — прошептала одна из моих соседок по купе. При других обстоятельствах это замечание показалось бы банальностью. Но сказавшая это женщина, педиатр лет тридцати, пыталась удержать наворачнувшиеся на глаза слезы. Трудно найти подходящие слова, когда цель твоей поездки — братская могила, где похоронены убитые бабушка и дедушка, которых ты никогда не знал. Не существует общественных норм, регулирующих то, как следует вести себя перед лицом утраты, которая так и не была должным образом пережита и вовремя оплакана. “Знаете, их туда в одних рубашках привезли, им, наверное, было так холодно. И очень страшно, да?” Мурманчанин, который тоже ехал в нашем купе, сунул ноги в пластиковые шлепанцы и исчез в коридоре. Его голова была занята большим инженерным проектом, и он уже достаточно наслушался наших неуместных разговоров. Когда речь идет о смерти, русские могут становиться неожиданно закрытыми.

Мы остановились в единственной на многие километры вокруг гостинице — разваливающейся ледяной коробке советского образца на окраине

Медвежьегорска. Когда все собрались, оказалось, что нас около восьмидесяти человек. Конечной целью нашего путешествия был сосновый лес рядом с Сандармохом, карельской деревней, название которой звучит странно даже для русского уха и до которой от города можно за 45 минут добраться на автобусе. 27 октября 1937 года, то есть равно 60 лет назад, сюда привезли первую группу обреченных на смерть заключенных. Ночью они проследовали в южном направлении через печально известную соловецкую тюрьму. Руководил операцией Михаил Родионович Матвеев, капитан НКВД, которому к концу недели нужно было выполнить расстрельную квоту. Перевозили заключенных не поездом, а баржами и грузовиками, под покровом ночи, чтобы у жителей Медвежьегорска, случись им поинтересоваться непривычным оживлением на дороге, не возникало ненужных вопросов, хотя вряд ли кому-то из них пришло бы в голову дать волю языку. В первой партии обреченных были и мужчины, и женщины, некоторые из них оставили в лагере маленьких детей. Узников попарно сковали цепями, и им действительно было очень страшно и очень холодно, потому что их заставили сбросить сапоги и теплую одежду. Им сказали, что делается это в целях обеспечения безопасности. За некоторое время до этого произошел неприятный инцидент, в результате которого был легко ранен охранник. Теперь уж таких проблем точно не будет. В ту ночь и в течение нескольких следующих ночей на просеке раздавалось эхо выстрелов и ударов кирок и заступов. К 4 ноября здесь были убиты 1111 человек.

Вопреки обычной практике, это место больше никогда не использовалось для расстрелов. Все ямы и бугры, которые могли бы выдать историю этой просеки, в 1950-е были скрыты от глаз рядами специально высаженных молодых сосенок. Местные жители знали о том, что здесь произошло, но постарались, по крайней мере наяву, забыть об этом как можно быстрее. В скором времени никто уже не знал наверняка, в какой именно части леса обитали призраки убитых. Мне говорили, что захоронения повсюду, что леса полны трупов. Тут были кости финских солдат и русских партизан, могилы времен Гражданской войны и затерянные погосты прежних обитателей этих мест, религиозных общин, крестьянских поселенцев, дезертиров. Хотя местные и не любили это обсуждать, большинство из них считало, что секретное захоронение, то самое, “сталинское”, было в паре-тройке километров в другом направлении. Затем летом 1997 года археолог и два историка из Санкт-Петербурга нашли настоящее место. Они привели туда мэра города. Тот пришел в ужас, рассказал, что мальчишкой ходил сюда с отцом за грибами и, конечно, знать не знал и помнить не помнил об истории, скрывавшейся у него под ногами. Правда о ней стала для него настоящим шоком. Потрясение и чувство вины оказались отличной мотивацией. В провинциальной России образца 1997 года только это, а еще чудо